

☁ (Фэньюнь) – буквально означает «ветер и облака». В китайской культуре, истории и литературе это важнейшая идиома, которая используется для описания крупных политических потрясений, дворцовых переворотов, смуты, ожесточённой борьбы за власть или радикальных исторических изменений.

Ли Яньи намеренно мчалась во весь опор, избегая уездных городов, а поскольку они не въезжали в поселения, то и почтовые станции им не попадались. У Чжэнь Вэньцзюнь не было ни единого шанса передать весточку Янь Е. Они со дня на день должны были прибыть в Жунин, и если их сразу заберут во дворец, передавать новости из Запретного двора на улицу станет ещё тяжелее.

Столица была уже как на ладони, и времени на то, чтобы наспех натренировать почтового голубя, не оставалось. Но вдруг произошёл непредвиденный случай: на Ли Яньи совершили покушение, и бешено мчавшийся конвой был вынужден остановиться.

Той, кто ударила Ли Яньи, была не кто иная, как А-Синь.

Ли Яньи пронзили мечом насквозь с левой стороны живота, ближе к пояснице. Судя по всему, клинок выдернули с особой жестокостью: брызнувшая кровь залила весь шатер. Когда Чжэнь Вэньцзюнь вместе с гвардейцами Хубэнь бросилась на помощь, она заглянула внутрь через вход и сначала подумала, что там уже никого нет в живых, настолько всё выглядело кроваво и ужасно.

Чжэнь Вэньцзюнь искренне восхищалась Ли Яньи, ведь за столько дней пути она и понятия не имела, что А-Синь из клана Се находится в составе отряда. Умение принцессы прятать людей втайне от всех вызывало неподдельный восторг. Но ещё больше она восхищалась А-Синь. Едва первый воин Хубэнь почувал неладное в шатре и с обнажённым клинком ринулся внутрь, как в мгновение ока там собралось еще семь-восемь солдат, стремительно и слаженно вошедших друг за другом. Чжэнь Вэньцзюнь в этот момент как раз несла таз с горячей водой к шатру Ли Яньи, чтобы помочь той умыться. Наткнувшись на эту сцену, она жутко перепугалась, тут же спряталась за дерево, прижимая к себе таз, и принялась заглядывать внутрь. Солдат откинул полог, и перед её глазами предстало залитое кровью пелище шатра.

«Ох!» мысленно ахнула она, гадая, кто же оказался настолько дерзким, чтобы среди бела дня напасть на Старшую Принцессу. Неужели жизнь не мила? Но уже в следующую секунду она получила ответ. А-Синь в одиночку прорубала себе путь наружу, вращая окровавленным бирюзовым мечом и силой вытесняя гвардейцев Хубэнь из шатра.

Меч А-Синь двигался то подобно извивающейся ядовитой змее, то словно сверкающая молния. Умело используя узкое пространство у входа в шатёр, она напрочь лишила воинов Хубэнь возможности дать отпор. Гвардейцы понимали, что рельеф местности играет против них, к тому же Ли Яньи всё ещё оставалась внутри: начни они ожесточённую схватку в такой тесноте и ненароком рань принцессу повторно, их головам не сносить.

Отступая под её натиском, солдаты выбрались на открытое пространство перед шатром. Здесь к ним присоединились новые силы гвардии Хубэнь, которые мгновенно развернули боевой порядок: один ряд выставил копья, целясь А-Синь в грудь, а второй ряд взмахнул клинками, намереваясь подрезать ей колени и голени. Чжэнь Вэньцзюнь в крайнем напряжении еще крепче прижала к себе таз. Она увидела, как А-Синь, словно у неё вовсе не было костей, резко сгруппировалась и проскользнула прямо между двумя рядами вражеского оружия, будто заранее просчитала все их построения и тактические приемы. Пользуясь секундным замешательством ошеломлённых гвардейцев, А-Синь крутанулась волчком и разом раскидала

их в стороны. В миг, когда боевой порядок солдат рассыпался, в воздух взметнулась кровавая изморозь.

Чжэнь Вэньцзюнь даже не успела разглядеть, как именно А-Синь наносила удары, а мечи гвардейцев уже посыпались на землю: клинок А-Синь с ювелирной точностью располосовал им запястья и плечи. Солдаты пытались подобрать оружие, но обнаружили, что их руки либо полностью потеряли чувствительность, либо пронзены такой дикой болью, что удержать что-либо просто невозможно. Едва коснувшись земли, А-Синь плавно оттолкнулась носком и снова взмыла ввысь. Один из гвардейцев, преодолевая боль, попытался дотянуться и схватить её, чтобы стащить вниз, но А-Синь резким ударом ноги вдребезги раздробила ему челюсть. Упав на спину, солдат послужил ей опорой: оттолкнувшись от его головы, А-Синь легко, точно перышко, взлетела на самую вершину шатра.

Чжэнь Вэньцзюнь, точно замороженная, смотрела на неё как на сошедшую с небес небожительницу. А-Синь с абсолютной лёгкостью и изяществом перелетала с одной палатки на другую, удаляясь всё дальше и дальше. Одним лёгким касанием она могла покрыть расстояние в несколько десятков шагов, будто к её спине была привязана невидимая воздушная нить, за которую её уносило ввысь. Чжэнь Вэньцзюнь и раньше доводилось видеть мастеров, но такую сверхъестественную лёгкость тела она наблюдала воочию впервые в жизни. Подобные умельцы прежде существовали для неё лишь в сказках, которые матушка рассказывала ей перед сном.

- Преследовать её! Не дайте ей уйти! - хотя Лю Фэна не было рядом для командования и отряд остался без предводителя, солдаты сумели мгновенно сориентироваться в ситуации. В считанные секунды они плотным кольцом окружили шатёр, на который А-Синь приземлилась в последний раз. Если она решит снова прибегнуть к искусству цигуна, её единственной возможной точкой опоры станет крона дерева, находящаяся более чем в сотне шагов отсюда, а такое расстояние едва ли под силу покрыть человеку, какой бы мощной ни была его внутренняя база боевых искусств.

Как только Чжэнь Вэньцзюнь подумала, что на этот раз А-Синь будет загнана в угол, А-Синь, не боясь численности противника, бросилась прямо вниз с шатра, полоснув запястье ближайшего солдата скошенным мечом. Тот солдат, с железной решимостью, позволил своему длинному мечу упасть на землю из-за открытой кровоточащей раны, но не выказал ни малейшего намерения отступить. Напротив, он двинулся вперёд, намереваясь использовать свою силу, чтобы усмирить А-Синь. Он пригнулся и раскрыл руки, бросаясь на талию А-Синь, словно чёрный медведь, врезающийся в оленёнка. Его движение было хорошо сбалансировано, и как только он зажал бы А-Синь, её цингун стал бы бесполезен.

Даже самый искусный мастер не смог бы летать с сильным мужчиной на буксире. Его план сдержать её был верен, но он не ожидал, что А-Синь, хоть и женщина, была выдающейся фигурой, способной одной рукой прижать дикую лошадь к земле. Когда он ринулся вперёд, А-Синь одной рукой схватила его за голову. Он толкал вперёд изо всех сил, создавая пятками две небольшие кучки земли, но, несмотря на все его усилия, А-Синь оставалась непоколебимой.

Солдат, ошеломлённый, поднял на неё глаза и встретил не только презрительную улыбку А-Синь, но и тяжёлый удар её колена.

Его носовая кость была сломана ударом ноги, и пока он лежал на земле, с головокружением и помутнённым зрением, он слышал непрерывные крики и вопли убийств вокруг, но ни одного женского голоса. Эти крики исходили от его товарищей.

А-Синь, подобно дикому и мощному урагану, сделала хорошо обученную, самую элитную

армию всей Великой Юй, армию Хубэнь, абсолютно беспомощной.

С лязгом таз в руках Чжэнь Вэньцзюнь упал на землю. Вода расплескалась по её туфлям и штанам, но она этого не замечала: её сердце было целиком сосредоточено на А-Синь. Ранее она уже была свидетелем поразительного подвига А-Синь, когда та одной рукой усмирила лошадь, но этот момент был ещё более ошеломляющим: её сила и ловкость намного превосходили ожидания Чжэнь Вэньцзюнь. Кем были госпожа Хунъе, господин Цзинь Гуй или любые теневые стражи и эксперты по сравнению с А-Синь? Все они были слабы и не заслуживали упоминания в её присутствии.

Чжэнь Вэньцзюнь обнаружила, что особенность А-Синь заключается в её способности предугадывать движения противника и в мгновение ока разрушать их атаку, немедленно контратакуя. Ранее, когда она слетела с шатра и порезала запястье солдата, она сделала это, слегка скользнув лезвием по движению противника. Как стрекоза, скользящая по воде, она, казалось, не прилагала никаких усилий, но наносила значительный урон.

Окружённая армией Хубэнь, А-Синь с минимальными усилиями проложила кровавый путь. Один солдат, всё время державшийся на периферии в поисках шанса, дождался, когда А-Синь пронзила ноги одного человека, прежде чем сделать своё движение, яростно нацелив копьё ей в спину. Казалось, у А-Синь были глаза на затылке. Не глядя, она отвела запястье назад, и кончик её меча остановился всего на ширине пальца от глазного яблока противника. Тот человек резко остановился. Его зрение почти наполовину заслонил злобный кончик меча, и он осознал, что ещё полшага и он пронзил бы его глазное яблоко и мозг. Пока холодный пот катился градом, А-Синь отдернула руку и нанесла мощный удар локтём в его висок, отправив его на землю. Его зрение почернело, и он не мог подняться некоторое время.

- А-Синь... - Ли Яньи в какой-то момент вышла из шатра, схватившись за свою рану на боку и одной рукой опираясь на маленькое деревце, чтобы сохранить равновесие. Её лицо и шея были покрыты блестящим потом, кровь непрерывно текла между её пальцами. Несмотря на такое серьёзное ранение, Чжэнь Вэньцзюнь увидела улыбку на её лице, неужто она обезумела?

- А-Синь, ты едва навредила солдатам армии Хубэнь, но меня ударила так сильно... - Ли Яньи, едва держась на ногах от боли, всё ещё улыбалась, в то время как А-Синь, увидев её, задрожала от гнева:

- Я хотела бы убить тебя одним ударом меча!

Ли Яньи покачала головой:

- Цин-цин не смогла бы.

Действительно. Даже Чжэнь Вэньцзюнь, прятаясь в стороне, понимала, что с навыками А-Синь было бы трудно найти кого-то лучше во всей Великой Юй. Даже среди тысяч войск снести чью-то голову было бы так же просто, как достать что-то из мешка, не говоря уже о ситуации один на один в шатре. Ли Яньи была ранена мечом лишь в бок, и рана не была смертельной, потому что та, что ударила её, не желала большего.

А-Синь уже занесла меч, собираясь снести ей голову, когда несколько десятков воинов гвардии Хубэнь разом ринулись на неё в атаку.

Ли Яньи понизила голос, словно делилась секретом или пытаясь уговорить её:

- Моими молитвами и трудами твоя зависимость от «Порошка Фужун» уже почти отступила.

Сможешь ли ты в будущем удержаться и больше не притрагиваться к этой дряни, теперь зависит лишь от твоей собственной силы воли. Однако после всех этих изнурительных ночей и я, и ты совершенно выбились из сил, у тебя ведь почти не осталось энергии, верно? Не глупи. Если можешь уйти, то уходи скорее. Я не стану держать на тебя обиду за то, что ты со мной сотворила.

Услышав, что та вообще посмела заикнуться о столь бесстыдном деле и о том, как воспользовалась её беспомощностью, А-Синь пришла в еще большее неистовство.

С тех пор как она невесть каким образом отравилась «Порошком Фужун», она пребывала в полубессознательном состоянии, а каждый день тянулся для неё как год. Мало того, что большую часть дня её одолевала сильная тошнота и она не могла проглотить ни крохи, так в остальное время её тело погружалось в такое состояние, о котором ей было даже стыдно говорить вслух.

В эти моменты у неё оставался единственный путь: любым способом унять бушевавший внутри пожар. В противном случае зловердный огонь сжигал её сердце, причиняя невыносимые муки. Стоило ей сделать малейшее движение и даже прикосновение чистейшего, гладкого шёлка к коже отзывалось дикой болью, словно миллионы насекомых одновременно вгрызались в её сердце, превращая жизнь в сущий ад.

Ей было жизненно необходимо разделить с кем-то ложе, дабы поддаться плотским желаниям и выпустить этот внутренний жар.

Она была не в силах ходить и даже подняться с постели, так что найти кого-то другого для этого дела она попросту не могла, да и ни за что бы не стала. Вместо того чтобы ради спасения жизни делить ложе с незнакомцем, уж лучше сделать это с Ли Яньи. В конце концов, Ли Яньи была единственным человеком в этом мире, чьи прикосновения она могла перенести.

Вот только Ли Яньи то ли из желания умышленно подразнить её, то ли преследуя какие-то свои тайные помыслы, всякий раз избыточно увлекалась любовной прелюдией. Она бесконечно тянула время, не переходя к самому главному, отчего А-Синь сгорала от томительного, изнуряющего нетерпения.

Каждый раз, когда блаженство шло на спад и к ней на короткий миг возвращался ясный рассудок, А-Синь в ярости принималась допрашивать Ли Яньи, зачем та использует её тело для забавы. Ли Яньи же с самым невинным видом оправдывалась:

- Ну как я могу забавляться тобой? Я лишь помогаю тебе побороть зависимость от «Порошка Фужун». В самый первый раз ты приняла зелье наивысшей чистоты, и чтобы полностью вывести токсины, требуется немало времени. Как ты можешь так легко отворачиваться от меня и делать вид, будто мы чужие, едва всё закончилось?

От такой наглости А-Синь буквально лишалась дара речи:

- Едва всё закончилось?!

Ли Яньи в ответ лишь демонстративно разминала уставшие пальцы.

А-Синь хватала со столика у изголовья кровати шпильки-буяю и швыряла их ей в голову. Вот только в те моменты, истерзанная «Порошком Фужун», она была настолько слаба, что её броски не могли причинить Ли Яньи вообще никакого вреда.

Ли Яньи везла её с собой всю дорогу от самого Суйчуаня до Жунина. Повозка, в которой они ехали, была личным экипажем принцессы: ободья колес у нее были чрезвычайно широкими, а кони шли на редкость ровно. Даже на самых ухабистых дорогах тряска почти не ощущалась, что позволяло А-Синь спокойно и безмятежно засыпать сразу после очередного сеанса «исцеления».

Ради её спасения Ли Яньи на протяжении всего этого пути приходилось не просто стойко переносить тяготы изнурительного путешествия и непрестанно строить планы касательно Жунина, но и тратить колоссальные силы, дабы ежечасно «заботиться» об А-Синь. Приступы у А-Синь случались один за другим, и принцессе приходилось прислуживать ей ночи напролет. Мало того, что она заработала себе дикую ломоту в поясице и ногах, так эта девчонка, едва её зависимость немного ослабла, тут же отплатила ей ударом меча в живот! От такой коварной атаки невозможно было уберечься, и кому теперь прикажете жаловаться на несправедливость?

Даже если во время лечения у принцессы и проскальзывало желание немного поребачиться и подразнить её, виной тому были долгие годы разлуки. Из-за вражды их кланов и противоположных политических взглядов они крайне редко виделись в последнее время. И теперь, обретя эту нечаянную возможность побыть вместе, они обе с головой погрузились в упоение интимной близости, из-за чего Ли Яньи слегка потеряла голову от счастья. Да, она зашла в своих играх и специфических пристрастиях чуть дальше, чем следовало, чем изрядно пристыдила и разозлила А-Синь, но ведь это никак не стоило того, чтобы получить в ответ смертоносный удар клинком насквозь!

А-Синь до глубины души ненавидела эту мерзавку, воспользовавшуюся её беспомощностью, однако Ли Яньи была права: её силы и впрямь были на исходе. Предыдущая яростная схватка хоть и обошлась без ранений, но высосала из неё последние остатки энергии. Теперь, когда стражи вокруг стало ещё больше, медлить не стоило.

Она направила острие меча прямо в лицо Ли Яньи:

- Береги свою никчёмную жизнь, я непременно вернусь, чтобы забрать её!

Ли Яньи уже с трудом держалась на ногах. Согнувшись пополам, она едва не падала. Казалось, эти угрозы набили ей оскомину ещё много лет назад, и она лишь небрежно махнула рукой:

- Уходи, уходи уже.

Воины Хубэнь с обнажёнными клинками ринулись наперерез из-за спины Ли Яньи, и А-Синь, убрав меч, стремительно скрылась из виду. Едва гвардейцы ринулись в погоню, как Ли Яньи обессиленно повалилась навзничь, и солдаты в панике подхватили её на руки.

- Оставьте её, пусть идет, - Ли Яньи закрыла глаза, сурово сдвинув брови и отчаянно борясь с дикой болью.

Пока солдаты растерянно переглядывались, А-Синь уже бесследно исчезла.

Стоит признать, что Вэй Тинсуй прислала ей расторопную служанку как нельзя вовремя.

Рана пришлась на два пальца выше тазовой кости. Место, прямо говоря, довольно деликатное и неловкое. Сама Ли Яньи всегда выступала против старых ритуальных догм, считая строгое разделение между мужчинами и женщинами пережитком прошлого, лишённым всякой человечности: подумаешь, лицо - ну увидели его и увидели, что в этом предосудительного или непристойного? Именно поэтому после того, как взятая ею из дворца служанка трагически

погибла в пути, она без тени смущения делила кров и дорогу с простыми солдатами и конвоем, состоявшим сплошь из мужчин, и не видела в этом ничего дурного. Но получив ранение в область поясницы, ей пришлось с досадой признать: на приличия, касающиеся лица, действительно можно закрыть глаза, но когда дело доходит до иных мест - это становится настоящей головной болью.

К счастью, рядом оказалась Чжэнь Вэньцзюнь.

Чжэнь Вэньцзюнь не просто умела прислуживать с исключительной чуткостью и аккуратностью, но и на удивление разбиралась в медицине. Ли Яньи с малых лет росла во дворце и привыкла, что за ней ухаживают слуги, когда перед ней выставили целую гору склянок и баночек с целебными снадобьями, она даже понятия не имела, какое из них нужно пустить в ход. Чжэнь Вэньцзюнь мгновенно отобрала нужное кровоостанавливающее средство, аккуратно разрешила её одежды, бережно нанесла мазь на рану и искусно наложила повязку.

Едва снадобье коснулось тела, как терзавшая рану боль заметно утихла, а сама повязка вышла настолько легкой и неощутимой, что ни капли не сковывала движений. Ли Яньи от души похвалила её за редкое мастерство и расторопность, после чего переоделась в чистое платье и вышла к воинам Хубэнь, дабы объявить о немедленном продолжении пути.

- Ваше Высочество, вашу рану только что перевязали, она может не выдержать долгого путешествия!

- Эта пустяковая рана не имеет значения! Не хватало ещё, чтобы из-за меня одной сорвались великие планы! В путь!

Хотя повозка и лошади были остановлены, это продлилось всего полтора часа, и Чжэнь Вэньцзюнь всё ещё не могла найти почтовую станцию. Ли Яньи, стремясь вернуться, лишь надеялась поскорее достичь Жунина.

Принцесса прекрасно понимала, что в Жуине её ждет беспощадная, кровавая схватка, и была готова поставить на кон все свои силы. Вот только она и представить не могла, что сокрушительный, смертоносный удар нанесут ей в спину прямо у самых городских ворот столицы.

Несколько десятков воинов гвардии Цзиньувэй плотным кольцом окружили повозку Ли Яньи и даже успели сбросить с облучка двоих кучеров.

Поскольку гвардейцы Хубэнь и стражи Цзиньувэя круглый год несли службу в Жуине, они прекрасно знали друг друга. Благодаря вмешательству нескольких хорошо знакомых между собой бойцов, готовая вот-вот вспыхнуть схватка была временно предотвращена.

- Что здесь происходит?! Вы хоть понимаете, кто находится в повозке?! - поскольку Лю Фэна не было, воины Хубэнь сплотились вокруг своего командира, офицера Сюй Хуая. Сюй Хуай уверенно встал на подножку повозки и зычно прокричал вопрос.

- Кто бы там ни был, это не должно мешать судебному ведомству исполнять свой долг, - из-за спин гвардейцев Цзиньувэя вышел мужчина в высокой шляпе. Лицо у него было землисто-серым, глаза налились багровой кровью, а острый подбородок сочетался с пронзительным, крайне неприятным голосом. Это был лучший ищейка в подчинении главного судьи Гуань Сюня - имперский следователь Цзян Ван. Месяц назад именно он в Суйчуане схватил губернатора Хун Ая и упёк его в императорскую тюрьму, и он же теперь преградил путь повозке Ли Яньи. Стоило Ли Яньи приоткрыть край оконной шторы, чтобы выглянуть наружу,

как Цзян Ван мёртвой хваткой вцепился в неё взглядом.

- Так это Старшая Принцесса. - Цзян Ван, обладая исключительной зоркостью, даже не подумал отвести глаза и чинно отвесил поклон в сторону экипажа:

- Ваш слуга полагал, что Ваше Высочество безвыездно пребывает в своём поместье, а вы, оказывается, изволите трудиться в дальних краях. Ваш покорный слуга сегодня вовсе не собирался намеренно чинить препятствия Вашему Высочеству. На то есть прямой приказ, посему прошу принцессу сменить гнев на милость.

- Приказ? И чей же приказ ты исполняешь?

- Разумеется, главного судьи Гуаня. Нам велено арестовать главу имперского секретариата Цзо Сюя.

- Цзо Сюя?! - Ли Яньи совершенно не понимала, что это за сцена и с какой стати острие обвинений внезапно развернулось против её наставника.

Чжэнь Вэньцзюнь, сидевшая верхом на белом коне, высунула голову из арьергарда конвоя и с живейшим азартом уставилась на переполох у городских ворот. Кто этот человек, преградивший им путь? Судя по голосу, неужто евнух? Из-за большого расстояния она улавливала лишь обрывки фраз и не могла разобрать суть разговора, поэтому в нетерпении слегка пришпорила коня и подалась вперёд.

Ли Яньи изо всех сил спешила вернуться в столицу лишь ради того, чтобы со всей дури дать пинка Хун Аю и заставить его поскорее утянуть за собой в бездну его дядю Фэн Куня. Она не ожидала, что её местонахождение будет раскрыто, и Ли Цзюй уже ждал её здесь. Она нанесла удар по Фэн Куню, а Фэн Кунь был лишь слегка оцарапан, но Ли Цзюй уже не мог дожждаться, чтобы отрезать ей руку.

Ли Яньи величественно вышла из марева повозки и встала лицом к лицу с Цзян Ваном. Тот не осмелился встретиться со Старшей Принцессой прямым взглядом: он согнулся в глубоком поклоне, и вслед за ним все окружавшие их солдаты разом пали на колени.

- Ты заявляешь, что намерен взять под стражу Цзо Сюя. Но какое именно преступление ему вменяется и какие веские улики удалось раскопать вашему ведомству?

Цзян Ван, держа голову опущенной к самой земле, с абсолютной уверенностью отчеканил:

- Преступление в клевете на Императора! Улики неопровержимы!

Цзо Сюй и Линь Цюань сидели в повозке следующим рядом, услышав пронзительный голос Цзян Вана, глава имперского секретариата сделался смертельно бледным. Линь Цюань взволнованно бросил на него вопрошающий взгляд, но старик лишь судорожно покачал головой в знак полного неведения.

- Оскорбление императора? И где же эти улики? Предоставь их, пусть Старшая Принцесса лично взглянет на них.

- Отвечаю Вашему Высочеству: вещественные доказательства по каждому делу являются строжайшей и абсолютной тайной судебного ведомства. Даже если сам нынешний Сын Неба пожелает ознакомиться с ними, ему придется лично направить в наше ведомство официальный запрос. Посему ваш покорный слуга попросту не наделён полномочиями напрямую выставлять

улики на обозрение Вашего Высочества. Если Старшая Принцесса изволит на них взглянуть, вы можете в надлежащий день направить в ведомство официальную бумагу.

Пока они вели этот спор, Чжэнь Вэньцзюнь потихоньку прокралась поближе, и в её душе то и дело без умолку раздавалось восторженное: «Ого!»

Эта поездка воистину принесла ей колоссальные плоды. Мало того, что ей довелось воочию узреть непревзойдённое, редкое боевое мастерство А-Синь, так они ещё даже не успели въехать в Жунин, а тут уже развернулась новая битва. Само словосочетание «судебное ведомство» заставляло кровь в её жилах бурлить от бешеного азарта. Жунин и впрямь оказался легендарным краем: абсолютно все те призрачные, далекие люди и места, о которых матушка когда-то шёпотом рассказывала ей, теперь предстали перед ней на расстоянии вытянутой руки. На всём белом свете едва ли нашлось бы много людей, которым выпала бы уникальная возможность собственными глазами наблюдать за тем, как вершатся и разгораются подобные великие распри.

Чжэнь Вэньцзюнь сторала от азарта, в её сердце не было ни капли страха, тревоги или гнетущего беспокойства. Сама того не замечая, под началом зловещей, коварной и непредсказуемой Вэй Тинсюй она уже успела закалить свою психику до безупречного уровня. Перед лицом смертельной угрозы она не испытывала ни малейшего бремени, желая лишь сполна насладиться зрелищем и перенять мастерство кукловодов. Теперь, пожалуй, ничто в мире не смогло бы по-настоящему изумить Чжэнь Вэньцзюнь, разве что Ли Яньи прямо на месте сорвала бы с себя кожу, явив чужое лицо.

Слова этого имперского следователя, долетавшие до её ушей, звучали на редкость дерзко и вызывающе. Что это за фраза: «Даже если сам нынешний Сын Неба»? Разве это не прямой намёк на то, что Ли Яньи в сравнении с императором вообще гроша ломаного не стоит?

Чжэнь Вэньцзюнь украдкой покосилась на лицо Ли Яньи. Та, полностью оправдывая свой статус женщины, которая с боем прошла путь от обычной принцессы до всевластной Старшей Принцессы и повидала на своём веку немало великих потрясений, осталась абсолютно непоколебима перед лицом внезапного вызова. Выражение её было бесстрастным, а голос прозвучал леденяще спокойно:

- Цзо Линцзюнь всегда неотступно следовал за этой обителью, годами занятый вне дворца, и только что вернулся в Жунин, даже не въехав в городские ворота. Как он мог оскорбить Императора? Не иначе как кое-кто вознамерился нагло и подло оклеветать его. До моего слуха давно долетали вести, что судебное ведомство наделено сакральным правом карать без предварительного доклада трону. Но если кто-то решит умышленно сфабриковать навет, дабы свести в могилу верного слугу государства, разве это не обойдется ему без малейших усилий? Позволь я спрошу тебя: если сегодня ты по ошибке бросишь в темницу преданного и честного мужа, какую кару ты понесёшь за этот грех?

Цзян Ван по-прежнему держал голову опущенной, однако его ответ прозвучал твёрдо, без тени подобострастия или робости:

- Отвечаю Вашему Высочеству: сей грех на императора относится вовсе не к нынешнему правителю. Оскорбление было нанесено покойному императору, ушедшему в лучший мир. Что именно глава имперского секретариата писал, в каких краях расточал свои дерзкие речи и какие крамольные слова срывались с его губ. Если он сам успел позабыть об этом, наше судебное ведомство с превеликим удовольствием поможет ему всё вспомнить. Если же ваш покорный слуга действительно взял не того человека, надо мной стоит высшее начальство,

которое и определит меру моей вины. Мой же долг - без промедления хватать государственных преступников!

Договорив, он решительно выпрямился во весь рост и высоко вскинул зажатый в руке змеиный жетон-пайцзу судебного ведомства:

- Именем сего жетона! Любой, кто посмеет чинить препятствия нашему следствию, отныне будет приравнен к государственным мятежникам и изменникам! Ваше Высочество, не сочтите за дерзость. Стража! Взять Цзо Сюя и доставить в императорскую тюрьму!

- Слушаемся!

Чиновники из судебного ведомства бесцеремонно выволокли Цзо Сюя из повозки, намертво сковали его руки и ноги тяжёлыми железными цепями, соединив их вместе, и, подхватив под руки, грубо швырнули внутрь арестантской телеги.

На протяжении всего этого бесчинства Цзо Сюй не проронил ни единого звука. Он лишь бросил на Ли Яньи один долгий, глубокий взгляд, полный невысказанных смыслов.

Ли Яньи оставалась стоять в той же самой позе, в которой покинула экипаж. Она молча смотрела, как её наставника и опору заковывают в кандалы, увозя в арестантской клетке на колёсах, пока та окончательно не растворилась в глухой, бескрайней ночной темноте.

Преступление в клевете на Императора, а также клевета на покойного Императора? Когда есть желание осудить человека, предлог всегда найдется, Ли Цзюй вознамерился устроить самую настоящую «литературную инквизицию»¹.

¹Литературная инквизиция / Тюрьма из-за знаков (□□□) - «Вэньцзюй», специфический и страшный феномен политической истории императорского Китая. Означает умышленное фабрикование уголовных дел против писателей, поэтов или высокопоставленных чиновников, чьи личные письма, стихи или исторические труды трактовались цензорами как тайная критика власти, крамола или оскорбление правящей династии. Любой двусмысленный иероглиф мог послужить поводом для казни автора и истребления всего его клана.

Клан Фэн Куня еще не успели сокрушить и прижать к ногтю, а она уже первой потеряла наставника и главного военного советника. Ли Цзюй не стал трогать никого другого, а нанёс удар именно по Цзо Сюю: он безошибочно рассчитал, что тот является ключевой, самой важной фигурой, выстраивающей стратегии и замыслы для Ли Яньи. Ли Цзюй давно зарился на должность главы имперского секретариата (шаншулина), страстно желая продвинуть на неё своего ставленника. Тогда Ли Яньи и вдовствующая императрица приложили все силы, чтобы этот пост занял Цзо Сюй. Кто же знал, что император так и не отступится и решит во что бы то ни стало предать Цзо Сюя лютой смерти.

Острая боль в боку у Ли Яньи становилась всё более отчетливой по мере того, как в её груди закипал яростный гнев. Она опустила взгляд и увидела, что рана невесты когда снова открылась, и кровь уже вовсю просачивается сквозь слои одежды.

- Ваше Высочество! - Чжэнь Вэньцзюнь в то же мгновение соскочила с коня, подхватывая покачнувшуюся Ли Яньи. В этот самый миг из темноты вдаль показался отряд всадников, стремительно несшийся к ним. Ли Яньи узнала человека, возглавлявшего кавалькаду - это был Цзо Минлин, военный офицер-сяовэй из гарнизона трёх северных областей, которые они совсем недавно отвоевали обратно. Цзо Минлин принадлежал к законной ветви столичного клана Цзо и приходился Цзо Сюю двоюродным братом. Не успел его конь замереть на месте,

как он кубарем слетел из седла, бросился к Ли Яньи и пал на колени, поспешно докладывая о себе.

Едва Ли Яньи увидела его, как поняла: стряслась страшная беда. Она шагнула вперёд, силой вздёрнула его с колен и принялась допрашивать:

- Разве ты не должен охранять три северные области в гарнизоне пограничья?! Какого черта ты примчался в Жунин?!

Цзо Минлин отозвался:

- Отвечаю Старшей Принцессе: Сын Неба направил командующего Го Жу, дабы тот принял под своё начало все пограничные войска, а меня отозвал обратно в столицу. Я пытался было оспорить это решение, но у него на руках был личный указ Сына Неба, и я не имел законного права пойти наперекор высочайшей воле... Мне оставалось лишь... лишь вернуться.

Выслушав его, Ли Яньи несколько раз сменилась в лице. Вслед за бурной, сокрушительной вспышкой ярости на её губах вдруг появилась улыбка, и она горько, безумно расхохоталась, запрокинув голову к небесам:

- Три округа, которые наша царственная особа отвоевала кровью и потом, он с таким бесстыдством взял и прибрал к своим рукам! Замечательно! Поистине замечательно!

Стражники Цзиньувэй по-прежнему пристально наблюдали за ними от недалеких городских ворот. Линь Цюань поспешно шагнул вперед, пытаясь утихомирить Ли Яньи:

- Ваше Высочество, здесь повсюду чужие уши и глаза! Что бы ни стряслось, давайте вернёмся в поместье и там всё обсудим, нам пора...

Линь Цюань не успел договорить: Ли Яньи судорожно схватилась за грудь, и из её рта хлынул поток алой крови, залил всю землю у её ног.

<http://bllate.org/book/17227/1644442>